

Едва стемнело, Фан Наньшань, уже чисто вымытый, принялся мерить шагами комнату у кровати.

Он был полон предвкушения и в легком волнении поправлял свечи.

Сюй Шэнъи тоже нервничал; он долго приводил себя в порядок, прежде чем войти.

В тот миг, когда Фан Наньшань увидел мужа, его взгляд стал обжигающим.

Словно сговорившись, оба сегодня надели красные нижние одежды.

Видно, не один Фан Наньшань желал восполнить пропущенную брачную ночь.

Сюй Шэнъи, слегка покраснев, подошёл к свечам и задул две из них.

Фан Наньшань тоже поднялся и пальцами погасил две последние красные свечи.

В эту ночь луна светила тускло.

Света было мало, но достаточно, чтобы Фан Наньшань видел лицо перед собой.

— Муж мой, пора нам познать друг друга.

Сюй Шэнъи поднял глаза и пристально посмотрел на него.

— Муж мой, — позвал он Фан Наньшаня.

Тот тихо отозвался:

— Я здесь.

Весенняя ночь была глубокой, а лунный свет – мягким, словно тонкий шелк.

В цветнике западного дворика тихо набухли несколько бутонов.

Странное дело: на пионах, за которыми ухаживали каждый день, не было ни завязи.

А занесенный ветром одуванчик вдруг собрался цвести.

Совсем как Фан Наньшань, что волей случая оказался перед Сюй Шэнъи.

Обнимая супруга, Фан Наньшань порой сомневался, не сон ли это.

Человек, о котором многие не смели и мечтать, теперь позволял ему любые вольности.

Хочешь целовать – целуй, хочешь касаться – касайся.

Фан Наньшань упивался своим счастьем, и вскоре его уже было не остановить.

Полог кровати ходил ходуном, а крепкое дерево ложа жалобно поскрипывало.

Если прислушаться, можно было различить тихие стоны.

Сюй Шэнъи, зажатый в крепких объятиях, принимал властные поцелуи; он тяжело дышал, кусая губы, чтобы сдержаться.

Фан Наньшань, найдя в этом упоение, трудился без устали, вновь и вновь возвращаясь к своему занятию.

Когда Сюй Шэнъи стало совсем невмоготу, он укусил мужа за плечо.

Фан Наньшаню было не больно – напротив, это лишь раззадорило его.

— Муж мой, Шэнъи, гэ-эр И... будь пайнкой, дай мне ещё разок.

Волосы Сюй Шэнъи разметались, пот на лбу Фан Наньшань бережно осушал поцелуями.

Голос Сюй Шэнъи охрип, он хотел было прикрикнуть, но вышло лишь жалобное шептание:

— Фан Наньшань... я... я больше не могу.

Фан Наньшань, видя его изнеможение, нежно поцеловал его:

— Хороший мой, прости. Я затихну, дам тебе отдохнуть.

Получив передышку, Сюй Шэнъи наконец обрел крупницы здравомыслия.

— Фан Наньшань, излишества вредны для здоровья, — поучал он.

Тот серьезно кивнул:

— Муж мой прав. Я во всём тебя слушаюсь.

Говоря это, Фан Наньшань снова потянулся к нему руками:

— Но раз уж дело начато, я должен помочь тебе довести его до конца.

Фан Наньшань говорил с видом благодетеля, но на деле эта помощь обернулась тем, что он изводил супруга до самого рассвета.

Когда занялась заря и выпала тяжёлая роса, одуванчики в саду стояли, понутив мокрые бутоны.

К счастью, солнце в тот день выдалось ярким. Под его лучами бутоны раскрылись навстречу теплу.

Это был влажный, ярко-жёлтый махровый цветок.

...

В западном дворике всё утро царила тишина.

Дело близилось к обеду, а из комнаты не доносилось ни звука. А-Юань в тревоге прохаживался по двору.

Утром ни хозяин, ни зять не заказывали еду. Когда он постучал, чтобы спросить, зять прикрикнул на него, сказав, что гэ-эр ещё спит и нечего его будить.

А-Юаню ничего не оставалось, как ждать, изредка прислушиваясь у галереи.

Так пролетело время до полудня.

Тетя Цинь, заправлявшая кухней, тоже пару раз заглядывала во двор.

Видя, что двери заперты, она не решалась разводить огонь для готовки.

Лишь велела двум помощникам томить бульон.

Наконец, в самый полдень Сюй Шэнъи проснулся.

Его разбудил жар.

Человек, прижавшийся к нему сзади, был словно раскаленная печь.

От горячей груди спина Сюй Шэнъи взмокла. Стоило ему шевельнуться, чтобы отодвинуться, как мужчина сзади придвинулся вплотную.

Сюй Шэнъи вздохнул и попытался его оттолкнуть:

— Фан Наньшань, мне жарко.

Тот, не открывая глаз, пробормотал:

— Мне тоже.

Хоть он и жаловался на жару, рук не разнимал.

Сюй Шэнъи, оказавшись в тисках, не смог вырваться и сказал:

— Фан Наньшань, я проголодался.

Только тогда тот разжал объятия:

— Сейчас схожу на кухню, принесу тебе поесть.

Фан Наньшань натянул одежду и спрыгнул с кровати.

Не успел он подойти к двери, как снаружи раздался голос А-Юаня:

— Гэ-эр, господин зять, вы встали? Нужно ли помочь с умыванием? Желаете ли отобедать?

Фан Наньшань ответил через дверь:

— Приготовь горячую воду в купальне, я сам помогу гэ-эру умыться. А ты принеси чего-нибудь легкого и сытного, хозяин твой голоден.

А-Юань, хоть и был мал, понимал немало. Он поспешно отозвался:

— Слушаюсь! Вода в купальне готова. Господин зять, точно помощь не нужна?

Фан Наньшань уловил в его голосе смешинку:

— Не нужна. Я сам. Ступай за едой.

А-Юань, сдерживая смех, побежал на кухню.

Отослав слугу, Фан Наньшань достал из шкафа чистую одежду.

— Муж мой, давай я отнесу тебя умыться.

Сюй Шэнъи и рад бы дойти сам, да только поясница ныла, а в ногах не было сил сделать и шага.

— Фан Наньшань, ты просто мужлан.

Тот, посмеиваясь, подхватил его на руки:

— Виноват, муж мой. Исправлюсь.

Сюй Шэнъи покосился на него: веры этим словам не было никакой. Прошлой ночью тот тоже обещал одно, а делал совсем другое.

Ни единому слову верить нельзя.

Сюй Шэнъи позволил Фан Наньшаню искупать себя и помочь с туалетом.

Когда они вернулись в комнату, обед уже стоял на столе.

Сюй Шэнъи сильно вымотался и проголодался, поэтому съел непривычно много.

Фан Наньшань же ел за двоих: умял всё со стола, да ещё и сбегал на кухню за двумя мисками лапши на курином бульоне.

Тетя Цинь шепталась с А-Юанем, мол, новый зять всего несколько дней в доме, а уже съедает за раз столько продуктов, сколько хозяину на полмесяца хватало.

Впрочем, ей это даже нравилось – по крайней мере, не приходилось выбрасывать завядшие овощи.

Видеть пустые тарелки для повара было лучшей наградой.

После обеда Сюй Шэнъи прилег на кушетку вздремнуть.

Он закрыл глаза, решив, что стоит ещё пару дней провести в праздности.

В лавке есть кому присмотреть за делами.

Но раз он дома, Фан Наньшань ни на шаг от него не отходит. Этот мужчина – словно голодный волк, завидевший жирный кусок мяса.

Прошлой ночью его уже «съели» без остатка, и теперь Сюй Шэнъи хотелось лишь покоя.

Он осторожно спросил:

— Наньшань, не хочешь съездить домой, проведать сестренку? Вчера я совсем забыл спросить у брата, стало ли ей лучше.

Фан Наньшань в это время возился с письменным прибором. Услышав вопрос, он ответил:

— Завтра с утра съезжу. Обернусь к вечеру, привезу тебе уток и кур, которых бабушка растит.

Сюй Шэнъи не хотел обижать его отказом:

— Хорошо. Завтра тоже возьми что-нибудь из дома для своих, это будет моим подарком. Можешь не торопиться назад, в марте в деревне наверняка много работы?

Фан Наньшань кивнул:

— Нужно удобрить пшеницу на нескольких полях, рапс вот-вот зацветет – надо прочистить канавы для стока воды, подкормить и от вредителей обработать.

Услышав, сколько дел предстоит, Сюй Шэнъи предложил:

— Тогда останься дома на несколько дней. Закончишь дела – и вернешься.

Фан Наньшань не ответил прямо:

— Посмотрим. Завтра съезжу, узнаю, как там дела.

Сюй Шэнъи не мог настаивать, чтобы Фан Наньшань не подумал, будто его гонят.

— Как пожелаешь. Я распоряжусь, чтобы слуга завтра с утра подготовил тебе повозку.

— Повозка не нужна, — сказал Фан Наньшань. — Возьму быстрого коня, так быстрее будет.

Сюй Шэнъи улыбнулся:

— Кони найдутся. Но если задержишься – не скачи по темноте. Городские ворота ради тебя среди ночи не откроют.

Фан Наньшань кивнул, а про себя подумал: «Пусть ворота хоть на засове будут, я всё равно найду способ вернуться».

<http://bllate.org/book/19020/1869927>